

борис
филановский



Я ДАВНО ХОТЕЛ сводить Марка в тюрьму. Сам не знаю почему. Возможно, из-за тщательно подавляемого желания совместно пережить с ним что-нибудь такое, что не вписывается в повседневные рамки. Наверное, по той же причине я ходил с ним на аттракционы, которые ему явно были не по возрасту. Да и в Израиль повез, чтобы там с нами случилось что-нибудь необычное. Я бы и еще попутешествовал с детьми, только виза нужна. Недавно мне рассказали, что есть замечательная нетуристическая и вполне безопасная страна, где можно многое увидеть и куда легко въехать, — Эфиопия. (Правда, источник информации оказался специалистом по амхарскому языку, то есть лицом, пристрастным ко всему эфиопскому.) Посещать ее рекомендуют с ноября по май, так что в этом году мы уже опоздали. А куда еще отправиться за контролируемыми приключениями для ребенка, я не знаю. Не в Египет же по путевке «все включено».

Ну так вот, хочется чего-то большого. Причем необязательно светлого, которого мы уже насмотрелись: зоопарк, океанариум, ЦПКиО или его и.о., Военно-морской музей, Эрмитаж, Русский музей. Правда, визит в Русский оказался чрезвычайно мрачным — музей производит тягостное впечатление. Даже Марк не мог этого не почувствовать: например, далеко не каждую икону он мог рассмотреть по-настоящему, поскольку они очень неудобно висят, зато практически каждая музейная смотрительница считала своим долгом сделать ему какое-нибудь идиотское замечание; смотрительница то и дело приходилось воспитывать, а то и посылать подальше, вот такое искусство.

Но даже Русский музей при всей его затхлости был недостаточно экзистенциален для меня. Я чувствовал, что пришло

время посетить какой-нибудь настоящий застенки — для людей, а не для искусства. И мы поехали в Петропавловскую крепость, в Трубецкой бастион.

Шокировать Марка, вот что я старался сделать. Мы зашли в какую-то камеру и закрыли за собой дверь. И я сразу понял: мы с Марком никогда не попадали в такое тихое место, где было бы так мало на что посмотреть. То есть по отдельности тихо и пусто нам бывало, а вот чтобы сразу и то и другое — нет. Эффект усиливался тем, что мы только-только слезли с крепостной крыши, где были невиские просторы (для меня) и катера с вертолетами (для Марка). Я был удовлетворен неслышимой камерной музыкой, которая в этой глухой камере несомненно отразилась на лице моего спутника. Всем своим лицом он вдруг замолчал. Он даже ненадолго замолчал руками. А я как умел рассказывал ему про то, что такое быть одному. Я уже забыл, как это — быть одному. Мне бы надо в одиночку недели на три.

В другой одиночке держали молоденькую революционерку из какого-то белорусского местечка. Она там родила ребенка, а через два месяца умерла. Через несколько месяцев умер и ребенок. До года, кажется, он не дожил. Я когда эту историю прочел, больше ни о чем думать не мог. Пока мы с Марком там ходили, я размышлял, рассказать ли ему про тюремный случай или все же не надо. Я его долго таскал по чистенькой тюрьме с одиночными камерами площадью в половину нашей квартиры. Минут сорок, наверное, мы там блуждали. Для Марка это как для нас полдня. Он все время просился наружу. Даже скандал небольшой попытался устроить под тем предлогом, что мы посмотрели короткий фильм про историю тюрьмы всего каких-то два с половиной раза. Но там, зна-

Мы с Марком
никогда
не попадали в
такое тихое место,
где было бы так
мало на что
посмотреть

ете, такие стены. Как бы это описать. Они как будто вагные. Не в смысле акустики — хотя над этим в XIX веке тоже хорошо поработали, между камерами многослойная обивка из войлока и еще бог знает чего. (Нам бы домой такую звукоизоляцию.) А в том смысле, что там вообще какая-то вековая духота висит. Может, просто советско-музейный дух веет где хочет, но в целом обстановка весьма гармоничная получается. Поэтому все старания Марка попробовать голос и покапризничать сошли на нет сами собой. Я впервые видел, как вырос его энергии, по обыкновению довольно сильный, булькнул и пропал, будто его и не было.

По пути на свободу я все же попытался рассказать Марку про младенца, погибшего без мамы, которая сгинула вот в этом самом месте. Мне хотелось дать ему почувствовать, что такое несвобода. Очень хотелось. Как теперь понимаю, я для того и повел его в настолько мрачное место. Этот детеныш, говорю я, был как Мирошка, может, даже еще меньше, и без мамы

он не смог жить. А Марк не понял. Моя, спрашивает, мама? И глаза у него вдруг становятся очень круглые и очень прозрачные. Бог ты мой, ну какой же я все-таки идиот. Он ведь думал, что я про его маму и его брата рассказываю. Пусть он всего полминуты это переживал, но почему я-то не успел увидеть, что с ним происходит, как он реагирует.

Ясное дело, это было уже слишком. Надо было заглаживать свою промашку, и мы из тюрьмы перешли в собор. Там лежат русские цари, и Марк даже знает одного. Которого Петром звали. По прозвищу Великий. Так дословно говорится в довольно толковом мультике из нашей любимой серии «Гора самоцветов». Петр очень старается основать Петербург, да никак не может — огромный валун мешает. Разные иностранные специалисты скорее осваивают деньги из казны, чем стараются убрать препятствие, и в ходе неудачных опытов взрывная волна заносит государя в какое-то чухонское болото. Оттуда его вызволяет тезка-солдат и советует: пусть камень останется, но чтоб сверху был памятник вашему императорскому величию. То есть Медный всадник.

Мы подошли к гробнице Петра. Над ней стоит прижизненный бюст Растрелли и делает крайне неприветливое выражение лица. Петр Первый в мультике был веселый, заметил Марк, а здесь он строгий. Конечно, отвечал я, настоящий Петр сначала сам проверил бы все чертежи проекта, а при настолько недобросовестном выполнении госзаказа, как в мультике, без долгих разговоров повесил бы подрядчиков. За шею, как в фильме про тюрьму, деловито уточнил Марк. В этот момент он выглядел значительно старше своих лет. Не знаю, того ли я добивался, затеяв крепостной культпоход.

афиша

Театр эстрады

им. А. Райкина

«Прекрасная Вампука». Ж. Глюкк. Кукольный мюзикл / 17 (12.00)

Театр юного зрителя
им. А.А. Брянцева

«Записки Аксентия Ивановича Поприщина». Н. Гоголь / 19 (19.00)
«Тартюф». Ж.-Б. Мольер / 20 (19.00)
«Отцы и дети». И. Тургенев / 21 (19.00)

«Полюианна». Ю. Лоттин, по одноименной повести Э. Портер / 22 (18.00)

Малая сцена

«Вниз с горы Морган». А. Миллер / 19 (19.00)
«Мой бедный Марат». А. Арбузов / 21 (19.00)

Филармония для
детей и юношества

«Конек-горбунок». П. Ершов / 16 (12.00)
«Красная Шапочка».

М. Паухвергер / 17 (12.00)

Малая сцена

«Детки в клетке». С. Маршак—А. Новикова

выставки

Мемориальный
музей «Разночинный
Петербург»

«Гимназисты и школьники». Из истории началь-

/ 16 (12.00)

«Маленький роман», «Господин из Сан-Франциско». И. Бунин / 18 (19.00)

ного и среднего образования в Петербурге—Ленинграде до и после революции 1917 года / с 20 мая до 20 июня

«Две школы». Из истории начального и среднего образования в Петербурге—Ленинграде до и после Революции 1917 года / до 15 мая

Международная
акция «Ночь музеев»
ночь с 16 на 17 мая

Вечерняя программа (18.00–23.00)
«Сокровищница морской славы» / Военно-морской музей

Ночная жизнь диких животных / Зоопарк
«Ночь с ангелами» / Лофт-проект «Этажи»
Осмотр экспозиции / Музей микроминиатюры «Русский Левша»

Детский музейный театр «Время». Зарождение коммунистического движения от октябрятских «звездочек» до коммунистической партии в стиле агитбригад / Музейный

комплекс в Разливе

«Как создавалась газета в прошлом веке?» / Музей печати

«Ночь в библиотеке» / Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина

Музей
«Мир воды
Санкт-Петербурга»

«Водных дел мастера» / до 31 мая

КИНО

«Коралина в стране
кошмаров» (Coraline)

Режиссер Х. Селик, роли озвучивают: Д. Фаннинг, И. Макшейн, Т. Хатчер, К. Дэвид, Д. Френч, Дж. Ходжман, Дж. Сондерс. США, 2009

«Кристалл-Палас» / 15–22
«Синема Парк» / 15–22